

А. И. Романчук

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ХЕРСОНЕСА В «ТЕМНЫЕ ВЕКА»

Положения о социально-экономическом состоянии византийских горбдов VII—I половины IX вв. в исторической литературе весьма спорны. Взгляды исследователей расходятся в вопросе о роли города того времени в общественном развитии Византии, в частности, о состоянии земесла и торговли среди городского населения¹. Для того, чтобы решить эти вопросы в целом, необходимо детальное изучение исторического развития отдельных городов. Именно эта проблема стала одной из основных в работе нашей археологической экспедиции в портовом районе Херсонеса, начиная с 1963 г.

В позднеантичную эпоху Херсон был крупным торгово-ремесленным и культурным центром Причерноморья². В его экономике значительное место занимает рыбозасолочный промысел, производство соусов, приготавливавшихся в специальных рыбозасолочных цистернах³; в расположенных неподалеку соляных озерах добывалась соль, употребляемая как для собственных нужд, так и для продажи⁴, кроме того, у херсонеситов было развито производство вина⁵. На городском рынке продавались товары, привезенные издалека, и изделия местных мастеров⁶. Выгодное географическое положение, соседство с удобной гаванью приводило к тому, что многие приплывающие в Северное Причерноморье суда останавливались прежде всего здесь⁷.

В IV—V вв., когда волна великого переселения народов привела к гибели многие античные центры Северного Причерноморья, прекратившие свое существование⁸, Херсон не только избежал «варварского нашествия», но и сохранил свое значение городского ремесленного и торгового центра, имевшего широкие связи с городами Византии, в частности, с Малоазийским побережьем⁹.

В дальнейшем подобные события не прошли мимо Херсона. Прежде всего глубокие изменения вызвал распад старой рабовладельческой системы, результаты которого усложнялись перманентными набегами кочевых племен с севера. Опасность заставляла херсонеситов заботиться об укреплении обороны своего города, следить за сохранностью крепостных стен¹⁰. Византийская империя посылает в окраинный городок своих стеностроителей, ибо она заинтересована в сохранении Херсона, прежде всего как центра

дипломатических сношений и торговли с часто сменявшимися друг друга в этом районе народами, которым также требовался рынок для обмена своих товаров на ремесленные изделия. Им и стал город, уцелевший после первого удара кочевников¹¹.

Взгляды исследователей на историческую роль Херсона в средневековую эпоху различны и подчас противоречивы. С одной стороны, признано, что «город на протяжении почти всего средневековья оставался крупным городом Тавриды, а до конца X в. — крупнейшим не только в Крыму, но и во всей Восточной Европе», в V—IX вв. в истории гуннов и хазар, а позднее печенегов и половцев Херсон играл достаточно заметную роль экономического и политического, торгового и культурного центра¹². С другой стороны, этот же город в отдельные периоды своего исторического развития считается отдаленным, заброшенным, захолустным поселением, не имевшим развитого ремесла и торговли¹³. В чем же дело, почему столь противоречивы суждения? Дело в том, что Херсон, по сообщению источников, принимает участие в важнейших политических событиях, но вместе с тем на его развитии не могли не отразиться процессы, охватившие Восточную Римскую империю. По отношению же к местным племенам он всегда оставался крупнейшим ремесленным и политическим центром, несмотря на отдельные периоды имевшегося и здесь спада экономического развития.

Среди немногочисленных письменных источников по истории Херсона VII—I половины IX в. большое место занимают рассказы и письма попавших в опалу и сосланных в этот сравнительно удаленный уголок. Характер пребывания в городе, статус ссыльного не могли не отразиться на этих сообщениях.

Источником, на основании которого освещается внутренняя жизнь города середины VII в., являются письма папы Мартина, 82-летнего больного подагрой ссыльного, после притеснений и суда прибывшего в Херсон из столицы 15 мая 655 г.¹⁴. Через месяц (в июне) он написал первое письмо, в котором, характеризуя свою жизнь в новом городе, просит, прежде всего, чтобы ему прислали продовольствия, ибо здесь голод и нужда такие, что хлеб известен только по названию¹⁵. Следующее письмо написано в сентябре. В нем по-прежнему надо всем превалирует просьба о присылке денег или продуктов, так как их неоткуда достать, кроме как с судов, изредка заходящих из Романии (Южного Понта). Кроме того, папа жалуется на разноплеменность херсонеситов и выражает недовольство их нравами¹⁶.

Итак, запустение, нищета, отсутствие продовольствия, варварские нравы характеризуют город периода пребывания в нем папы Мартина. Но можно ли некритически относиться к письмам ссыльного, которые проникнуты духом попрошайничества. Тем более, что Мартин просит присылки денег, на которые можно купить продовольствия и, жалуясь на свои беды, ссыльный папа отмечает, что в город заходят суда из Романии за солью, которая добыва-

лась херсонеситами. Связи были настолько тесными, что уже в начале сентября Мартин смог купить хлеб с этих судов¹⁷.

Письма Мартина находятся в явном противоречии с теми объективными фактами, которые говорят о значительной роли Херсона в общественной и политической жизни Византии в «темные века». По свидетельству хроник, Херсон в конце VII — начале VIII вв. являлся крупным политическим центром. Во главе городского самоуправления стояла знать. Многочисленность этой прослойки доказывает следующий факт: во время карательной экспедиции Юстиниана II 40 знатнейших горожан отправлены в столицу, 28 утоплены в море и 7 сожжены¹⁸. Представители богатейших и знатнейших горожан — протевоны, институт которых восходит еще к античной эпохе. Он засвидетельствован для Херсона в X и даже XI в.¹⁹.

Городу подчинена значительная территория, которую хроники называют то климатами, то архонтией. В хронике Никифора сообщается, что вместе со знатнейшими гражданами Херсона понесли наказание 20 протастевонов из других соседних городов, оказавших сопротивление Юстиниану²⁰. Для начала VIII в. известен глава местного самоуправления протополит Зоил.

Окраинное положение города, удаленность от ведущих культурных центров, как Константинополь, Солунь, Рим, делали Херсон удобным местом для ссылки лиц, оппозиционно настроенных по отношению к правительству. Так, в середине VII в. уже упоминавшийся папа Мартин, противник официального религиозного курса, его единомышленники братья Феодор и Евтерпий²¹, в 695 г. в Херсоне отбывает ссылку свергнутый с престола император Юстиниан II, который после воцарения переводит сюда опасного соперника, давно выставлявшего свои права на престол — Вардана, позднее ставшего императором под именем Филиппика²². В VIII в. в городе находятся под стражей братья Льва Хазарина — кесари Никифор и Христофор и их сторонники²³. В бурное время иконоборческих споров город стал прибежищем для опальных иконопочитателей²⁴, затем превратился в место их ссылки²⁵. Подобную функцию Херсон выполнял и ранее: в 366 г. ссылку здесь отбывал Фронелий, замешанный в заговоре против императора Валента, в V в. — александрийский патриарх Тимофей Элур и другие²⁶.

В то же время окраинное положение не мешало херсонеситам принимать участие в важнейших событиях внутренней жизни Византии. И, как ни странно, именно от периода, считающегося временем наибольшего упадка Херсона, дошли свидетельства, показывающие его роль как политического центра края. Прежде всего это события, связанные с именем Юстиниана II.

В 695 г. Юстиниан II был свергнут с престола и сослан в Херсон. Но опального не оставляет мысль вернуться в Константинополь, и он начинает подготовку нового дворцового переворота. Херсонцы решили выдать его замыслы правившему в это время

императору Тиберию. Юстиниан вынужден был бежать из города, сначала к хазарскому кагану, затем к болгарскому хану, с помощью которого он вернул себе престол. Последовательно проводя курс на ликвидацию городского самоуправления, Юстиниан II вступает в борьбу с Херсоном и снаряжает против города несколько военных экспедиций.

В борьбе сталкиваются интересы Византии, самоуправляющейся городской общины и хазар, имевших в городе тудуна²⁷. Борьба Юстиниана II с херсонеситами закончилась для последнего плачевно: он свергнут с престола, на котором воцарился ставленник Херсона Вардан-Филиппик. Этот эпизод показывает активную внешнеполитическую роль горожан, которые участвовали в династической борьбе, выдвигая своих претендентов на престол, самостоятельно заключая союз с хазарами.

Не менее интенсивной была жизнь города позднее, во время всколыхнувших всю империю споров вокруг икон. Монашество выступило против канонов иконоборческого собора 754 г. Встретив сопротивление, император насаждает террор, что и заставляет монахов искать убежища в окраинных районах²⁸. Спасаящимся от преследований Стефан Новый, один из столпов оппозиции, советует искать убежища прежде всего на северных склонах берегов Эвксинского Понта, вплоть до Херсона. События в житии Стефана, происходившие до 765 г.²⁹, записаны около 808 г. Но, начиная с 815 г., положение в Таврике резко изменилось. Херсон из места, где иконопочитатели находили убежище, становится местом ссылки: так, сюда сослан известный противник правительственного курса иконопочитатель Иосиф Гимнограф³⁰, Стефан-солдат, ставший впоследствии епископом в Хазарии³¹. К сосланным направлял свои послания Федор Студит, их идейный глава. Херсон называют нечестивым местом, поэтому не удивительна характеристика херсонеситов, данная им при посещении города монахом Епифанием, бежавшим от иконоборцев. Он пишет, что херсонеситы до сих пор туги на веру и подвержены любому ветру³².

Отражение происходившей в городе борьбы между сторонниками двух религиозных течений можно найти и среди археологических материалов. Во время исследований одной из херсонесских базилик в 1950 г. обнаружен слой разрушения, относящийся к VII—VIII вв., в котором в большом количестве встречены фрески. Руководивший работами С. Ф. Стржелецкий на основании стратиграфии выявленных слоев связывал разрушение храма с иконоборческим периодом³³. Палеографический анализ надписей, сохранившихся на штукатурке, позволил отнести их в VIII—IX вв.³⁴

Выражают они, по мнению С. Ф. Стржелецкого, протест иконопочитателя, вынужденного посещать храм, лишенный икон, и потому оставившего на стенах этого храма примитивное изображение ликов святых.

То, что Херсонес занимает определенное, а подчас и значительное место во внутривизантийских событиях Византийской империи,

было возможно только при наличии достаточно развитой экономики. Действительно, он сохраняет в эти годы свои традиционные торговые связи.

Здесь по-прежнему можно найти людей различных национальностей. В легендах о деятельности просветителя славян Кирилла говорится, что он встретил в Херсонесе чельвека, который говорил по-русски, здесь же Кирилл смог изучить хазарский язык.

Купцы Херсона постоянно плавают на судах с низкой осадкой по рекам южных степей³⁵, торгуют с городами малоазийского побережья, вывозя купленные или выменянные у соседей шкуры, мех, воск и продукты собственных промыслов — солеварного и рыбозасолочного. О развитии последнего имеются свидетельства археологических раскопок. До настоящего времени принято было считать, что херсонеситы, начиная с V—VI вв., уже не занимались промысловым ловом рыбы³⁶, поскольку все найденные цистерны относились к раннему периоду. Однако раскопки, проведенные Уральским университетом в портовом районе Херсонеса, обнаружили три цистерны, из которых одна относится к VII в., другая — к концу IX в., третья — к XI—XII вв. Характерно, что херсонеситы не только сохранили приемы засолки рыбы, но и методы строительства цистерн. Наличие только этого промысла делало необходимым присутствие в городе представителей различных профессий: мастеров по ломке камня, гашению извести, производству оснастки, тары, в которой хранили и продавали приготовленную рыбу. Кроме них в городе должны были находиться ремесленники, занятые изготовлением предметов первой необходимости.

Город сохраняет свои ремесленные традиции, несмотря на кризис, который он переживал.

Гончары Херсонеса выделяли различные сосуды: тару, посуду, кухонную утварь. Стол горожан украшали кувшины, чаши, миски, тарелки, расписанные белой и красной красками. Из города расписанная посуда вывозилась в соседние поселения³⁷. Мастера-керамисты осваивали поливное покрытие, нашедшее широкое применение в производстве более позднего времени³⁸. Правда, целых экземпляров, покрытых поливой, относящихся к VII—VIII вв., нашей экспедицией не найдено. Но натеки глазури обнаружены на местной кухонной посуде из комплекса VII в. Вероятно, в одной печи производился обжиг сосудов различного назначения. Это показывает, что почти одновременно с византийскими производственными центрами новая техника осваивается и в Херсоне³⁹, что могло иметь место только при наличии тесных связей.

Постоянная необходимость ввоза хлеба считается свидетельством обнищания Херсонеса, упадка его экономики в VII в. Напротив, последнее является блестящим доказательством отсутствия аграризации города. В таком положении находились все крупные торгово-ремесленные города античности и средних веков. Об этой зависимости Херсона говорят и сочинения более позднего времени, например, Константина Багрянородного. В X в. миновал кризис,

связанный со становлением новых отношений, возродились ремесла, чеканилась собственная монета⁴⁰, но в город по-прежнему ввозился хлеб из Малой Азии⁴¹. Причем это настолько необходимо, что если прекратить подвоз, то херсонеситы не смогли бы существовать. Такое же положение существовало в городе и в античное время.

Другой аргумент, который привлекается для доказательства абсолютного упадка товарных отношений в Херсоне — это отсутствие монет VII—VIII вв. Прежде всего, следует оговориться. Крупная торговля в античности и в средние века производилась не на бронзовую монету, в большинстве случаев встречаемую при раскопках, а на золотую или серебряную⁴². Находки золотых монет редки не только для этого времени, но и для других⁴³.

Нельзя забывать и о сложной политической борьбе, которая развернулась в период иконоборчества. Вполне вероятно, что сменявшие друг друга императоры VIII в. уничтожали монетные знаки своих противников⁴⁴. Кроме того, до сих пор встречаются группы анонимных монет, которые трудно связать с именем того или иного императора⁴⁵. В настоящее время мы не можем утверждать, что не было монет VII—VIII вв.⁴⁶

Находки экспедиции Уральского университета изменили известное соотношение монет. В портовом районе, где сосредоточились работы в последние годы, раскапываются слои IX—X вв. Но среди монет этого времени и даже XI—XIII вв. встречаются монеты Тиберия-Маврикия (582—602), Ираклия (610—641), Константина IV (668—685), реже Константина V (741—775). В порту, самом оживленном месте, во все времена жизнь не замирала: находки монет VII—VIII вв. в поздних слоях — свидетельство существования товарных отношений.

Процессы, происходящие в городе, это только одна сторона исторического развития. Другая — взаимодействие с сельской округой. Начиная с античности и до IV—VI вв. земельные участки горожан, где возделывались виноград, зерновые и огородные культуры, располагались на равнинных массивах западной части Гераклейского полуострова. К VI в. происходит некоторое увеличение земельных участков, а в VI—VII вв. многие из них забрасываются. Но зато в то же время осваиваются новые земли на склонах балок восточной Гераклеи⁴⁷. Скорее всего эти земли используются для выпасов. Кроме того, сохраняется некоторое число и старых позднеантичных усадеб⁴⁸.

Не хватало продовольствия, которым могли обеспечивать пригородные хозяйства. Часть продуктов поступала из сел плодородных долин, расположенных около города: Байдарской, Инкерманской и других, где слои VIII—IX вв. наиболее мощные по сравнению с остальными⁴⁹. В обмен на продовольствие Херсон вывозит изделия своих ремесленников. Так, в Скалистинском могильнике, как показали раскопки Е. В. Веймарна, много расписной керамики, производившейся в Херсоне⁵⁰.

Связь города и села могла носить натуральный характер, что не исключает развития различных ремесел и промыслов в городе⁵¹.

Еще есть один аргумент, привлекаемый при доказательстве тезиса об утрате Херсоном торгово-ремесленного значения, — отсутствие археологических слоев VII—VIII вв.

Прежде чем делать какие-либо выводы в связи с этим обстоятельством, хотелось бы бросить беглый взгляд на историю изучения стратиграфии средневекового Херсона.

Первые годы археологических работ в Херсонесе представляли собой грабительские, кладоискательские раскопки, производимые подчас без надзора какого-либо компетентного лица⁵². Такое положение существовало в Херсонесе вплоть до назначения на должность заведующего раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Одной из важнейших задач, которые ставились перед К. К. Косцюшко, было отыскание следов византийского города⁵³. Исследователь же стремился к целостному изучению как средневекового, так и античного периода. С его приходом начинается стратиграфическое изучение культурных слоев Херсонесского городища. К. К. Косцюшко отмечает наличие двух слоев, относящихся к греко-римской и византийской эпохам. В своих отчетах он разделяет находки в соответствии с этими слоями⁵⁴.

Накопление опыта полевых работ, изучение материала позволило уже в 1895 г. выделить 4 слоя, два из которых относились к средневековому периоду: верхний византийский и нижний византийский «старый город», причем К. К. Косцюшко отмечает, что базилики, открытые в двух верхних слоях, сооружены ранее последнего (таким образом отмечается наличие еще одного слоя, связанного с христианским Херсоном)⁵⁵.

На планах и чертежах, в отчетах К. К. Косцюшко различаются стены 3-х периодов: древней эпохи, ранневизантийской и поздневизантийской⁵⁶.

В данном случае нет необходимости говорить о других недостатках полевой методики исследователя⁵⁷, ибо в некоторой степени они были порождены требованием Археологической комиссии: cobrar как можно больше ценных находок⁵⁸.

После смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича раскопки в Херсонесе возглавил Р. Х. Лепер (1908—1912 гг.). Он начал фиксировать материал с учетом расположения «полов». Во время раскопок Р. Х. Лепер выделил 3 пола: эллинистический и классический; ранневизантийский-римский и позднесредневековый.

После установления Советской власти, ликвидации монастыря и превращения музея в заповедник появилась возможность планировать раскопки в соответствии с новой методикой. С 1926 г. раскопки проводятся К. Э. Гриневичем. В основе его полевой практики лежал послойно-квадратный метод⁵⁹. При раскопках в цитадели К. Э. Гриневич выделил 3 слоя: эллинистический, ранневизантийский-римский и X—XI вв.⁶⁰

Шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом стали раскопки Г. Д. Белова на северном берегу. Их методику можно представить на примере экспедиции Херсонесского музея, Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа 1937—1948 гг. Они велись по помещениям, при этом в раскапываемых кварталах (XV, XVI, XVIII) выделен слой классического периода — остатки некрополя V—IV вв. до н. э.⁶¹, прослежен план домов IV—II в. до н. э.⁶² Четкое представление сложилось у исследователей в отношении римского периода — I—IV вв. н. э.⁶³

По-прежнему гораздо сложнее обстояло дело с выявлением слоев V—XV вв. Материал этого времени разделен на 2 хронологических периода: VI—X вв. и XI—XV вв.⁶⁴

Правда, пристальное внимание исследователей к стратиграфии раскапываемого участка позволило им выделить остатки еще двух слоев. В помещении 1 под полом позднесредневековой усадьбы (квартал XVII) выявлены еще два пола. Один на глубине 0,21 м, и второй — 0,53—0,57 м (от позднесредневековой подошвы). Первый из них на основании керамических находок и монет датируется IX—X вв. Он был частично нарушен при возведении стен дома позднего периода. Второй, так же четко выраженный, насыщенный фрагментами амфор типичного раннесредневекового вида⁶⁵.

Аналогичная стратиграфия, но менее четко наблюдалась при раскопке насыпи под позднесредневековым полом в помещении 8 и 22. Подошва IX—X вв. здесь связывается с остатками кладки⁶⁶. Кроме того, в изучаемых кварталах имелись рыбозасолочные цистерны, насыпь которых датировалась V—VI вв.⁶⁷

Материалы раскопок показали, что в V—VI вв. в связи с нивелировочными работами засыпан ряд цистерн. На приготовленной площади строятся здания. Существование жилых помещений должно быть отнесено к периоду после V—VI вв. и до IX—X вв. Далее, после обветшания зданий и новой нивелировки началось строительство в IX—X вв. Небольшая мощность насыпи, отделяющая два ранних слоя (0,32 м), является косвенным свидетельством непрерывности жизни в этом районе, отсутствия крупных разрушений или значительных строительных работ⁶⁸.

Большим достижением раскопок этих лет было осуществление первой попытки расчленить строительные остатки по периодам: III—II вв. до н. э., V—VI вв. н. э., IX—X вв., XI—XII вв., XIII—XIV вв.⁶⁹

Во время работ в квартале XVIII экспедиция по-прежнему большое внимание уделяет изучению стратиграфии. Так, в помещении 6 выделено 4 слоя: V—VI; IX—X; XI—XII; XIII—XIV, аналогичная картина наблюдалась в помещении 16 и прилегающем к нему дворе⁷⁰.

В последующие годы в отношении средневековья утверждается деление на три периода: V—VI вв., IX—X вв., XIII—XIV вв., которые более или менее четко связываются со строительными остатками⁷¹. Таким образом, в 40—50-е годы наблюдается значительный

сдвиг в изучении стратиграфии средневековых слоев Херсонеса. В это же время делается попытка более детального расчленения слоев. Во время исследования в 1950 г. базилики 1935 г. С. Ф. Стржелецким выделено 5 строительных периодов, которые пережил памятник в V—X вв.⁷²

В 1958 г. раскопки на перемычке в периболе у 17-й куртины позволили отметить наличие строительного слоя с известковыми ямами IX—X вв. — 2 слоя (сверху), далее 3—5-й слои, относящиеся к V—VII вв.⁷³ и 6—7-й слои — IV—V вв.⁷⁴

Эти раскопки показали, что стратиграфия херсонесского городища очень сложна. Недооценка данного обстоятельства приводила на практике к смешению разновременных археологических памятников, несовершенной их датировке и вытекающей отсюда ложной интерпретации⁷⁵.

Осознавая недостатки существующей методики раскопок, объединенная экспедиция Уральского университета с участием Херсонесского музея и Харьковского университета поставила своей главной задачей выявить существующую стратиграфию⁷⁶.

История исследуемого квартала у 16—17-й куртин представляется следующим образом. К наиболее раннему из интересующих нас периодов относятся остатки общественного здания, занимавшего до IV—V вв. всю северо-западную часть участка. Затем этот участок был застроен жилыми усадьбами. Здесь же было построено помещение с колоколообразной рыбозасолочной цистерной, и, вероятно, цистерна прямоугольной формы. В начале VII в. колоколообразная цистерна засыпана (датируется засыпь монетами Тиберия-Маврикия (595—602 гг.))

На юго-востоке квартала этому времени соответствует здание с пифосами, которое разрушено во II половине VII в. От него сохранилось два небольших участка керамического завала, (отстоящих друг от друга, но расположенных на одном уровне), один из которых датируется монетой Константина IV⁷⁷.

Кроме слоев разрушения засвидетельствованы и строительные остатки VII в. В 1968 г. во время раскопок на «перемычке» у 17-й куртины со стороны города обнаружена площадка с остатками цемьянки и извести. Ее перекрывал слой, состоящий из плотной гумусированной глины с незначительным количеством находок. Датируется он на основании наиболее поздних монет временем Константина IV. Под слоем с цемьянкой идет материал, бытование которого относится к этому же времени, что не позволяет считать, что ремонт произведен ранее 70—80-х гг. VII в.⁷⁸, но и не позднее I половины VIII в.

В начале IX в. стена вновь ремонтируется у 17-й куртины (от этого ремонта сохранились остатки строительной траншеи). В это же время засыпана прямоугольная цистерна в центре изучаемого участка⁷⁹.

Ремонты велись и у башни XIV, во время которых одна из стен 3-й цистерны, расположенной в портовом районе, достроена. Ци-

стерну продолжали использовать для засолки рыбы до XII в., а построена она в конце VIII — начале IX в.

В IX—X вв. центральную и юго-восточную часть квартала занимало большое здание.

На основании раскопок в портовом районе изменился наш взгляд на время бытования некоторых групп материала, прежде всего — амфор. Кроме того, в слое керамического завала II половины VII в. встречены блюда, покрытые красноватой обмазкой, украшенные по венчику насечкой, а дну — рельефными крестами. Такие сосуды ранее датировались V—VI вв.⁸⁰

Новая датировка керамических материалов до некоторой степени объясняет, почему исследователи не имели обособленных слоев VII—VIII вв.: одни группы амфор было принято датировать V—VI вв., другие — IX—X вв. Сейчас находки монет продлили время бытования первых, а более ранняя датировка вторых доказана при раскопках в других районах Причерноморья⁸¹.

С другой стороны, отсутствие слоев какого-либо времени объясняется тем, что жизнь не прекращалась и последующая деятельность человека приводила к уничтожению более ранних остатков⁸².

Слои возникают преимущественно как результат строительства и особенно разрушения зданий. Это положение, высказанное В. Д. Блаватским, общеизвестно⁸³. Имеющаяся картина свидетельствует о том, что никаких значительных перемен в жизни Херсона VII—VIII вв. не происходило. Как и ранее (а затем и позднее), он оставался относительно небольшим провинциальным городком, сохранившим благодаря своей удаленности политическую самостоятельность. Как показывают исследования экспедиции нашего университета в портовом районе, это один из тех приморских городов, в которых и в «темные века» занимались ремеслами, промыслами, торговлей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954, стр. 167—188; Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—I пол. IX в.). М.—Л., 1961; М. Я. С ю з ю м о в. Византийский город (середина VII — середина IX вв.). — ВВ. т. 27, 1967, стр. 38—70;

Dölger F. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt. — "Atti del 3. Congresso internazionale di studi sull'Alto Medioevo". Spoleto, 1959, p. 65—100; Kirsten E. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI. Inter. Byzantinisten-Kongres. München, 1958; Ostrogorsky G. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. DOP, 23, p. 45—66 и др.

² В. И. Ка д е е в. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970, стр. 162.

³ Г. Д. Б е л о в. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV веках н. э. — В сб.: Античный город. М., 1963, стр. 61. В. И. Ка д е е в. Очерки истории экономики..., стр. 5.

⁴ В. И. Ка д е е в. Очерки истории экономики..., стр. 20.

⁵ Г. Д. Б е л о в. Херсонесские винодельни. — ВДИ, 1952, № 2, стр. 225. С. Ф. Стр ж е л е ц к и й. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи ХСб., вып. 5. Симферополь, 1959, стр. 121.

- ⁶ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, стр. 31. В. И. Кадеев. Торговля Херсонеса Таврического. Харьков, 1969; его же. Очерки истории экономики..., стр. 150, 158.
- ⁷ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 155.
- ⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 385—388.
- ⁹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики.— СА, XXI, 1954, стр. 149; См. также: МИА, № 63, стр. 31.
- ¹⁰ Правда, чаще стеностроительство относят к какому-либо периоду, не связывая его с постоянной необходимостью ремонтов, перестроек. В средневековом Херсонесе выделяются два периода сооружения крепостных стен: конец V в., VI в. После этого стены стоят без значительных ремонтов до конца жизни города.— МИА, № 63, стр. 114. В монографии по истории Херсонеса X—XIV вв. нет ни слова о постройках оборонительных сооружений. См.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.— МИА, № 17, 1950.
- ¹¹ МИА, № 63, стр. 30; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступит. ст., пер., комментарий Е. Ч. Скрипчинской. М., 1960, стр. 71.
- ¹² МИА, № 17, стр. 5.
- ¹³ С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X веков. М., 1908, стр. 41; МИА, № 63, стр. 29.
- ¹⁴ Ю. Кулаковский. История Византии. Т. III. Киев, 1914, стр. 213.
- ¹⁵ Письма помещены у Migne PL. Paris, 1863, t. 87, col. 202.
- ¹⁶ Там же, col. 203 BC.
- ¹⁷ Там же, col. 203 CD.
- ¹⁸ Это показывает, что во главе управления городом стоит городская знать, подобное положение существовало в Византийских городах VI в. См.: С. Dietrich. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert.— «Byzantinisches Archiv», Hf. 13, München, 1969, S. 159.— Но в отличие от них епископ, вероятно, не играл в Херсонесе VII—VIII вв. той роли, которая отмечена для городов Византии более раннего периода. F. Dolger, op. cit., S. 89; С. Dietrich, op. cit., S. 156.
- ¹⁹ Н. Д. Знайко. О посольстве Калокира в Киев.— ЖМНП, 1907, апрель, стр. 234.
- ²⁰ Никифор. Хроника. Перевод Е. Э. Липшиц.— ВВ, т. 3, 1950, стр. 368.
- ²¹ Migne. PG. t. 90, col. 196CD, 198BC.
- ²² Theophanis. Chronographia, éd. C. de Boor, Lipsiae, 189, I, p. 379.
- ²³ Там же, р. 450²⁴—451².
- ²⁴ В. Г. Василевский. Житие Стефана Нового. Труды. Т. II, вып. 2. Спб., 1912, стр. 315.
- ²⁵ Vita st. Theodori Studitae. Migne. PG, t. 99, p. 1344; Творения Феодора Студита в русском переводе. Т. II, Спб., 1908, стр. 450.
- ²⁶ Некоторые исследователи считают, что города, служившие местом ссылки, являлись не только отдаленными, но и захолустными, иногда с таким положением связывают вопрос о их упадке. Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории в эпоху раннего средневековья.— ВВ, т. 18, 1961, стр. 63.
- ²⁷ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 197. Присутствие в городе хазарского тудуна, просьбы херсонеситов о военной помощи до некоторой степени являются показателями дипломатической независимости Херсонеса.
- ²⁸ История Византии. Т. II. М., 1967, стр. 54.
- ²⁹ Этим годом в хрониках Феофана и Никифора отмечена дата смерти Стефана.— В. Г. Василевский. Труды. Т. II, вып. 2, стр. 302.
- ³⁰ Migne. PG, t. 105, col. 932—939.
- ³¹ Vita Steph. Sold. Migne. PG, t. 117, col. 181CD.
- ³² Migne. PG, t. 120, col. 141D; В. Г. Василевский. Труды. Т. II, вып. 2, стр. 275.
- ³³ С. Ф. Стржелецкий. Предварительный отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г. Архив. ГХМ, д. 609, л. 47—48.
- ³⁴ О. И. Домбровский. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 года.— ХСб., вып. 5, 1959, стр. 225, прим. 1.
- ³⁵ В начале IX в. с помощью херсонеситов на таких судах плывет к хазарам

Петрона Каматир — *Constan. Parphyrog. De adm. imp.*, с. 42, ed. G. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budarest, 1949, p. 182, 30—35.

³⁶ МИА, № 63, стр. 33.

³⁷ Н. В. Пятнышева. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе. — В сб.: Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969, стр. 151.

³⁸ В 1967 г. в цистерне, засыпанной в VII в., на крышке кухонного горшка были обнаружены натеки поливы (участок В. Н. Даниленко, Портовый район). Это показывает, что освоение техники началось несравненно раньше, чем массовое изготовление новых видов изделий. Такое же положение имело место в Средней Азии, где поливное покрытие известно в V—VI вв., но массовое производство глазурованных сосудов началось только в конце VIII—IX вв. Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VII—XII вв. Душанбе, 1966, стр. 130.

³⁹ R. Stevenson. The pottery 1936—1937. "The Great Palace of the Byzantine emperors", Oxford, 1947, p. 35.

⁴⁰ Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. — ВВ, т. 18, 1961, стр. 67.

⁴¹ *Constan. Parphyrog. De adm. imp.*, с. 53, p. 287 ed. G. Moravcsik.

⁴² R. S. Lopez. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century, *DOP*, 23, p. 76.

⁴³ В огромной коллекции средневековых монет Херсонесского музея золотых всего 9. Из них V в. — 2 (№ 8298, 8346). В настоящее время опубликовано 19 золотых византийских монет из Херсонеса (И. В. Соколова. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму. — ВВ, т. 29, 1968, стр. 256), бронзовых несколько тысяч.

⁴⁴ Так при Никифоре II происходила перечеканка старых монет. Она производилась для всех монет VII—IX вв., чем и объясняется в основном малочисленность находок. *Cedg. II*, 369.

⁴⁵ Так, при раскопках в 1964, у 22-й башни оборонительных стен Херсонеса был найден кошелек с ранее неизвестными монетами начала IX в. И. В. Соколова. Клад херсонских монет середины IX в. — «Тр. Государственного Эрмитажа», XII, Л., 1971, стр. 16—25.

⁴⁶ Если учитывать известные монеты-нехерсонесского чекана, то разница в поступлении между веками очень не велика и в ней не выявляется никакой закономерности. (И. В. Соколова. Находки византийских монет. — ВВ, т. 29, 1961, стр. 259).

⁴⁷ О. Я. Савеля, А. И. Романчук, Л. А. Клигман. Археологические разведки в окрестностях г. Севастополя. — В сб.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, стр. 288.

⁴⁸ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. — ХСб., вып. 6. Симферополь, 1961, стр. 189. Можно предполагать, что происходит не сокращение используемого земельного фонда, а постепенное переселение земледельцев в город и запустение усадеб.

⁴⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, № 168. Л., 1970, стр. 20 сл.

⁵⁰ Н. В. Пятнышева. Раскопки государственного исторического музея в Херсонесе, стр. 151.

⁵¹ Городу нужно было что-то предлагать в обмен на сельскохозяйственные продукты, а это уже обуславливало необходимость развития производства ремесленных изделий.

⁵² Вот блестящий образец методики работ руководителя раскопок этих лет К. Е. Гемельмана. В письме Н. Н. Мурзакевичу он пишет, что в Херсонесе бывает не особенно часто, тем не менее свою задачу, как он ее понимает: организовать раскопки, вести работу дешево, он выполняет. На хищнические раскопки, производимые монахами, разрушения военного ведомства указывала после своего посещения в 1886 г. П. С. Уварова. — «Древности». Труды императорского Московского Археологического общества. Т. XII, вып. 2. М., 1888. Протоколы, стр. 8.

⁵³ ОАК за 1886. Спб., 1888, стр. CCVI, стр. 15; ОАК за 1889 г. Спб., 1891, стр. 14.

⁵⁴ ОАК за 1893 г. Спб., 1895, стр. 52.

⁵⁵ ОАК за 1895 г. Спб., 1897, стр. 91.

⁵⁶ ИАК, вып. 25, 1907. Т. III, IV, V.

⁵⁷ Огромным упущением являлось смешение материала, отсутствие фиксации в соответствии с выделенными слоями, что уже было в это время достоянием археологической науки.

⁵⁸ Архив ИА, ф. АК, д. 10/1842, л. 28.

⁵⁹ К. Э. Гриневич. Опыт методики археологической науки. Севастополь, 1926, стр. 46.— В дальнейшем такой метод был отброшен археологией, так как при раскопках по квадратам нарушались естественные границы археологических комплексов.

⁶⁰ Е го же. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.— «Крым», 1929, № 1, (9), стр. 30.

⁶¹ Отчеты (Раскопки 1937—1948 гг.).— МИА, № 34, 1953, стр. 33, 109.

⁶² Там же, стр. 39, 40.

⁶³ Там же, стр. 73, 116.

⁶⁴ Там же, стр. 85, 91.

⁶⁵ Там же, стр. 124.

⁶⁶ Там же, стр. 125.

⁶⁷ Там же, стр. 118.

⁶⁸ Совершенно иная картина наблюдается, если участок на какое-то время оказывается заброшенным. В таком случае за сравнительно короткий срок вырастает мощная мусорная засыпь. В квартале, частично раскопанном в 1931 г., постройки X и XIII вв. отделены мусорным слоем толщиной свыше метра.— См.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931—33 гг.— МИА, № 4, 1941, стр. 207. Отсутствие засыпи, сохранение планировки, восходящей к античному времени, свидетельствуют о непрерывной жизни района.

⁶⁹ Сводный план раскопок Северного района.— Архив ГХМ. Ср.: МИА, № 34, стр. 203, рис. 50 (чертежи С. Ф. Стржелецкого).

⁷⁰ МИА, № 34, стр. 160.

⁷¹ См.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году ХСб., вып. 5. Симферополь, 1959, стр. 13.

⁷² С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 году. Архив ГХМ, д. 609.

⁷³ Л. М. Гилевич. Раскопки участка периболы у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса.— СХМ. Симферополь, вып. 1, 1961, стр. 25. См. также рукопись «Отчет о раскопках участка периболы у 17-й куртины («перемычка») в 1958 г. Архив ГХМ.

⁷⁴ Там же, стр. 26.

⁷⁵ На это указывал еще ранее С. Ф. Стржелецкий в работе «К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса».— «Историко-археологический сборник». М., 1948, стр. 153.

⁷⁶ О задачах экспедиции см. Сводный отчет объединенной экспедиции за 1963—64 гг.— АДСВ, вып. 6. Свердловск, 1970, стр. 5.

⁷⁷ Раскопки автора в 1970 г., см.: Отчет объединенной экспедиции за 1970 г. Архив ГХМ и УРГУ. Амфоры, найденные в этих завалах и в колокообразной цистерне, ранее датировались V—VI вв. Это так называемые амфоры с перехватом, с цилиндрическим реберчатым корпусом и украшенные по тулову густым гребешком.— См.: Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, вып. 7. Свердловск, 1971.

Кроме амфор в слое керамического завала найдены блюда с красно-коричневой обмазкой и рельефными крестами на дне — их датировка V—VI вв. в свете настоящих находок представляется заниженной. (С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсона IV—VI вв.— В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1966, стр. 36).

Вероятно, они продолжают бытовать и позднее. На это указывает и Н. В. Пятышева в работе «Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе», стр. 155.

⁷⁸ В историческом плане эти следы разрушения и строительства интересно было бы связать с экспедицией Юстиниана II, но вряд ли она единственное исто-

рическое событие, которое могло привести к разрушениям в этом городке, расположенном по соседству с варварским миром.

⁷⁹ В. П. Ка дее в. Исследования в Портовой части Херсонеса.— В сб.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, стр. 287.

⁸⁰ См. прим. 77.

⁸¹ Это амфоры с плоскими ручками и небольшие амфоры так называемого причерноморского типа. По материалам Восточного Крыма они датируются VIII—IX вв. (М. А. Ф р о н д ж у л о. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму.— В сб.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, стр. 138).

⁸² В помещении, расположенном к западу от слоя керамического завала VII в., на одном уровне лежат материалы XI—XII вв. Во время строительства в XI—XII вв. здесь разместили подвал, заглубленный по отношению к соседним помещениям. При его рытье и были уничтожены более ранние слои. К тому же, не попади в завал монеты, материал было бы трудно датировать иным, чем принято временем.

⁸³ В. Д. Б л а в а т с к и й. Античная полевая археология. М., 1968, стр. 42.